



Экран и сцена. - 2000. - Октябрь (№ 40). - С. 6, 7.

# Марина Ильина: «Каждая роль — как рождение ребенка»



Эта женщина родилась, наверное, под счастливой звездой. Бог наградил ее красотой, умом, прекрасным характером и талантом. Более десяти лет Марина Ильина — ведущая актриса театра Сатиры. За это время она сыграла роли, о которых иная артистка может только мечтать всю жизнь: Параша в «Горячем сердце», Розали в спектакле «Папа, папа, бедный папа...», Дженни-Малина в «Трехгрошовой опере». Я уже не говорю о таких спектаклях последних лет, как «Ревизор», «Восемь любящих женщин», «Укрощение строптивой», «Секретарши» и других.

Одно из главных качеств моей героини и в жизни, и на сцене — доброжелательность и легкость. А легкость, как говорил Михаил Чехов, — это первый признак настоящего творчества.

— Обычно актеры, отвечая на вопрос о начале театральной биографии, говорят либо о его величестве Случае, либо о предопределенности этой стези еще с пеленок. Как было у тебя?

— Очень хорошо помню, как мы с мамой шли из детского садика, и я объявила ей, что буду артисткой. Она усмехнулась, а я, обидевшись, подумала: «Вот погоди, вырасту, напому тебе эту историю». Мне было шесть лет от роду. С тех пор сомнений в выборе пути не возникало.

— Прошли детство, юность, и ты из Риги приехала «завоевывать» Москву. Поступление в училище прошло без проблем?

— Да, пожалуй. Видно, на роду написано — поступить. Хотя ужасно нервничала, волновалась: одна в огромном чужом городе, никаких связей, друзей. Но это жуткое одиночество, как ни странно, породило мощную концентрацию воли. Мне некогда было отвлекаться на что-нибудь постороннее, надо было выживать. Поставила себе цель и каким-то чудным образом достигла ее. Господь помог, конечно... Набирал курс Андрей Васильевич Мягков. Вышла читать, увидела, как он заулыбался, расположился ко мне. И между нами сразу возникла незримая связь, биотоки.

— Можно ли считать везением то, что ты после школы-студии МХАТ попала в театр Сатиры?

— Да, мне повезло. Я здесь сыграла много ролей мирового репертуара. Работы хватало всегда. Хотя, анализируя свою жизнь, прихожу к выводу, что мне очень редко давались авансы. Все приходило со временем. То, что получала значительные роли, конечно, можно назвать случайностью. Но с другой стороны, я так люблю театр во всех его проявлениях, стараюсь служить ему, что, смею надеяться, мне

воздается. Повезло и с компанией в театре Сатиры. Порой мне кажется, что наша труппа — это семья. В ней есть и взрослые, и дети. Мэтры к нам могут относиться снисходительно, могут и пожурить, но все — в очень доброжелательной форме. И похвалы, и замечания — абсолютно искренни. Каждый год восьмого марта мне звонит и поздравляет Георгий Павлович Менглет. Нужны ли комментарии?! В первом своем спектакле я работала с Ольгой Александровной Аросевой. Она смогла меня — юную и зажатую — несколькими фразами расслабить и расположить в пространстве. Два-три слова — и мне стало удивительно легко.

— Есть ли у тебя определенные пристрастия и антипатии на театре?

— Всегда восхищаюсь вещами, которые сама не умею делать. Пристрастия связаны с искусством, которое трогает меня по-человечески, делает лучше, красивее. Антипатия возникает только в том случае, когда люди берутся за пьесу, не зная, что хотят сказать, что открыть для себя и для зрителя. В результате получается холодное, бездушное искусство. Но допускаю, что порой такое мнение складывается из-за недостатков моего образования или вкуса. А если говорить о своих ролях, я тяготею к таким, где есть размах, чувство, любовь, страсть, ненависть. Меня влечет к поэтическому театру, — он поднимает над бытом и суетой.

— Что превалирует в твоей актерской кухне: ум и расчет или чувство и интуиция?

— Каждая роль рождается по-своему. Если это большая, масштабная роль, то ее «без мозгов» не выстроишь. Создаю схему, скелет — внутри него могут происходить всякие открытия. Словом, работаю, как настоящая выпускница школы-студии МХАТ. Поначалу никогда не ищу яркую форму, костюм, грим. Все это прикладывается легко, когда начинаю что-то понимать о своей героине. Но когда роль немасштабная, неинтересная, изнутри ее ничего не выкопаешь, приходится идти обратным путем: цепляться за внешнюю атрибутику. А вообще-то, никакие схемы здесь не работают. Каждая роль — как рождение ребенка: никогда не знаешь, на кого он будет похож, какая будет группа крови. Но самое ужасное, если он рождается неполноценным или не появляется на свет вовсе. Худшей трагедии для актера быть не может.

— Один замечательный артист сказал мне, что азарт на сцене — это обратная сторона

его замкнутости и неподвижности в жизни. Твой сценический облик кардинально отличается от жизненного: на сцене ты — вулкан страсти и огня, а в обычной жизни похожа на скромную, сублинную учительницу литературы. Как уживаются в тебе столь разные начала?

— Человек, как известно, напичкан разнообразием своих проявлений. Для обычной жизни я избрала форму сдержанного, трезвого человека, абсолютно не взбалмошного и даже не очень эмоционального. Но это не значит, что этого всего во мне нет. Поэтому сценическая жизнь — шанс проявиться тому, что сидит где-то глубоко в подсознании. И оно иногда вырывается из тебя, как Змей-Горыныч. Поэтому и любят актеры свой «наркотик» — профессию. Я бываю безумно счастлива, когда на сцене мне удается выкинуть что-то несвойственное в жизни. Но мешает один недостаток: не могу отпустить себя до конца. Боюсь сбить партнера или так повернуть свой образ, что порой не знаю, как довести новую линию до логического конца. Поэтому я к таким вещам отношусь осторожно: дотронуся и отпущу, попробую и отойду. Эти накопления должны быть постепенными, и только тогда в соответствии с законами диалектики количество перейдет в качество. Вот у Валеры Гаркалина это получается, он способен к потрясающей импровизации (не знаю, правда, всегда ли осознанно). Но он все доводит до логического завершения.

— А в жизни тебе часто приходится играть?

— Стараюсь делать это реже. Актеры, которые в жизни играют больше, чем на сцене, в работе становятся неинтересными. А я артистка хитрая: пытаюсь учиться у жизни, черпаю оттуда энергию. Тратиться, фонтанировать, играть в жизни какой-то персонаж — скучно. Это другое ремесло. Я так много, слава Богу, играю на сцене, что у меня, честно говоря, и сил не остается на другую игру. Не люблю, когда люди играют в жизни, а тем паче — плохо.

— В «Укрощении строптивой» ты просто излучаешь счастье от ощущения театра, песни, партнеров, зрителей. Это — настоящее чувство или все-таки сыгранное, симитированное?

— Как на духу скажу — настоящее! Это мой любимый спектакль. Хотя он рождался сложно и порой мучительно. Мне в нем очень комфортно, я на удивление удобно села в эту роль. Это тот случай, когда произошло чудо. Чудо поэтического театра, любви, Шекспира. В нем

обалденная музыка, костюмы от Левентала, да и постановка Валентина Николаевича Плутчека блестящая. Кто-то написал: возникает впечатление, что сделал это не 85-летний человек, а юнец! Здесь счастье не наиграешь: ты или любишь или нет!

— Твоя Катарина — женщина загадочная. Мне подумалось, что она в конце концов сделает Петруччо подкаблучником, и он будет у нее по струнке ходить.

— Да, да! Там действительно есть какой-то перевертыш, парадокс. Вроде ее давят, порабащают, и она в конце концов преклоняется перед мужчиной. Словом, средневековый патриархат. А Плутчек нашел потрясающий ход: во время финального монолога все мужики должны были упасть на колени, а я — идти по их спинам. Говорить одно, а делать совершенно другое. И от этого хода родилась концепция. К сожалению, пластически мы это сделать не смогли, но идею воплотили. Характер моей Катарины сломать не удалось.

— Театр Сатиры в принципе замешан на эксцентризме. И актерам в этом смысле порой изменяет чувство меры (и твоemu любимому партнеру — Валерию Гаркалину — в частности). Ты же никогда не позволяешь себе пережима, наигрыша. Не возникает ли диссонанс?

— Я стараюсь доверять коллегам. Ведь о вкусах не спорят. Корректировка действий партнеров не входит в мою профессию. Приходится подстраиваться, иначе мы будем играть в разные игры. Хотя в этом случае, спектакль может двинуться не туда, куда должен идти по замыслу режиссера. Мне иногда хочется, чтобы кто-нибудь взглянул трезвым оком на давно идущий спектакль и указал нам на наши ошибки. Я бываю недовольна собой и расстраиваюсь, когда начинаю «перебирать», идти на поводу у зрителя, у псевдовкуса и псевдоюмора. Поэтому подкаски тех людей, вкусу которых доверяешь, очень нужны. Я всегда пытаюсь вызвать таких людей на откровенность. Я совершенно лишена комплекса звездности и никогда не считаю абсолютным верным то, что делаю. А с партнерами мы часто обсуждаем эти проблемы, но есть опасность обидеть своего vis-a-vis, делая замечания.

— Известно изречение Анатолия Дмитриевича Папанова: «В плохом спектакле надо играть плохо!». Есть в этой шутке доля правды?

— Не хочется нигде играть плохо. Бывает на сцене тяжело. Когда не получаешь от этого